

На престол Германии взошел император Карл V, и посланники Рима поспешили принести ему свои поздравления и заодно сразу же настроить его против Реформации. Но курфюрст Саксонский, которому Карл V был во многом обязан своим восшествием на престол, просил его не предпринимать никаких мер против Лютера прежде, чем тот не будет выслушан. Это поставило императора в затруднительное положение. Удовлетворить папистов мог только смертный приговор реформатору. А курфюрст не раз решительно требовал, чтобы "доктор Лютер, снабженный предварительно охранной грамотой, выступил бы перед осведомленными, благочестивыми и беспристрастными судьями, так как ни его императорское величие и никто другой не опровергли сочинений Лютера".

Теперь внимание всех было обращено на предстоящий сейм германских княжеств в Вормсе, вскоре после вступления Карла на престол. Это общегосударственное собрание должно было разрешить важнейшие политические вопросы, там германским князьям впервые предстояло встретиться с юным монархом. На государственный сейм со всех концов империи прибыли светские и духовные сановники. В Вормсе собрались вельможи, гордящиеся своими наследственными привилегиями и высоким происхождением; представители духовенства, кичащиеся своим положением и властью; придворные рыцари в сопровождении вооруженных вассалов; послы далеких стран. Несмотря на многообразие задач, стоящих перед сеймом, самый глубочайший интерес этого огромного собрания вызывал саксонский реформатор.

Курфюрст, заранее уведомленный Карлом о необходимости прибыть на сейм вместе с Лютером, обещал тому свое покровительство и гарантировал возможность открытых обсуждений с компетентными лицами всех спорных вопросов. Лютер с нетерпением ожидал дня, когда он предстанет перед императором. Здоровье его в то время пошатнулось, но он писал курфюрсту: "Если даже я не смогу прибыть туда здоровым, то попрошу доставить меня больным. Ибо если император приглашает меня, то я не сомневаюсь в том, что это воля Господня. Но если они применяют насилие, — а этого можно ожидать (так как меня вызывают туда не для того, чтобы принимать мои наставления), — то я отдаю все в руки Божьи. Тот, Кто сохранил трех отроков в пламени печи, существует. Если Он не избавит меня, значит, моя жизнь не имеет смысла. Позаботимся только о том, чтобы Евангелие не было отдано на посмешище нечестивым, и будем готовы пролить кровь, защищая его. Разве я могу решить, что полезнее для спасения людей — моя жизнь или смерть?.. Вы можете ожидать от меня всего... но только не бегства и отречения. Бежать я не могу, а отречься — тем более".

Известие о выступлении Лютера на сейме вызвало большое волнение. Алеандр, папский

легат, которому в основном было поручено это дело, впал в ярость. Он понимал, что последствия будут катастрофическими для папы. Пересмотреть дело, по которому папа уже вынес обвинительный приговор, значило выказать пренебрежение авторитетом преосвященного понтифика. Кроме того, Алеандр опасался, что красноречивые и неопровержимые доказательства Лютера могут заставить многих князей отвернуться от папства. Поэтому он самым решительным образом протестовал против появления Лютера на сейме в Вормсе. В то же самое время была обнародована булла об отлучении Лютера от церкви, и под давлением папского декрета и протеста со стороны легата император уступил. Он написал курфюрсту, что если Лютер не отречется, то ему следует оставаться в Виттенберге.

Не удовлетворившись этой победой, Алеандр пустил в ход всю свою хитрость и власть, чтобы добиться осуждения Лютера. С необыкновенной настойчивостью, достойной более благородных целей, он представил этот вопрос вниманию князей, прелатов и других членов сейма, обвиняя реформатора "в подрыве устоев государства, мятеже, беззаконии и богохульстве". Но обнаруженное прелатом пристрастие и упорство слишком прямо говорили о духе, во власти которого он находился. "Он гораздо больше руководствуется ненавистью и мщением, нежели усердием и набожностью", — таков был всеобщий вывод. И большинство присутствующих на сейме отнеслись к делу Лютера с невиданной раньше благосклонностью.

С удвоенной энергией Алеандр настаивал на том, чтобы император привел в исполнение папский декрет. Но по германским законам без согласия князей сделать этого было нельзя, и наконец побежденный настойчивостью прелата Карл повелел ему представить дело на сейме. "Это был день торжества для папского нунция. Собрались весьма важные персоны, но дело, представленное на их рассмотрение, было еще более важным. Алеандр должен был отстаивать власть и авторитет Рима... матери и владычицы всего мира". Он должен был защищать права, полученные папой от Петра, перед высшим духовенством христианского мира. "Обладая даром красноречия, он произвел блестящее впечатление. Провидение Божье допустило, чтобы в присутствии высочайшего трибунала один из самых великолепных ораторов Рима выступил в защиту церкви". Сочувствующие реформатору с некоторой опаской слушали Алеандра. Курфюрст Саксонский не присутствовал на сейме, поручив записать для него речь нунция.

Стремясь нанести поражение истине, Алеандр призвал на помощь весь свой ум и все красноречие. Он обрушивал на Лютера обвинение за обвинением, изобразив его врагом церкви и государства, живых и мертвых, духовенства и мирян, всех верующих в целом и каждого христианина в отдельности. Заблуждений Лютера достаточно, — заявил он, — чтобы сжечь сотни тысяч еретиков.

В заключение он попытался набросить тень презрения на приверженцев реформаторской веры: "Что из себя представляют все эти лютеране? Толпа дерзких невежественных учителей, развращенных священников, беспутных монахов, несведущих юристов, разорившихся дворян и кучка простого люда, соблазненного их идеями. Разве можно сравнивать их с католиками, которые столь многочисленны, столь даровиты и столь могущественны. Пусть единодушное решение этого блестящего высшего суда просветит простодушных, послужит предостережением для неблагоприятных, утвердит колеблющихся и укрепит слабых".

Во все века применялось такое оружие против защитников истины. Подобные доказательства все еще продолжают предъявлять тем, кто, вопреки всеобщему заблуждению, осмеливается следовать ясному и понятному Слову Божьему. "Что собой представляют проповедники новых учений? — восклицают поборники общепринятой религии, — это простолюдины, необразованные и малочисленные. Как только они осмеливаются претендовать на обладание истиной, на право быть избранным народом Божьим! Они невежды и обманывают себя. Посмотрите на нашу церковь — многочисленную и влиятельную. Как много среди нас великих и ученых людей! Мы гораздо сильнее их!" И, конечно, эти доводы воздействуют на мир, но они столь же неубедительны сегодня, как и во дни Лютера.

Реформация не окончилась, как многие предполагают, с жизнью Лютера. Она должна продолжаться до окончания истории мира. Лютер совершил великую работу, распространяя свет, дарованный ему Богом, однако это был не весь свет, в котором нуждался мир. С того времени и до наших дней со страниц Священного Писания постоянно исходит свет, помогающий открывать истину.

Речь легата произвела глубокое впечатление на сейм. Там не было Лютера, который бы ясными и убедительными истинами Слова Божьего сокрушил бы папского защитника. Никто даже не попытался оградить реформатора от нападков. Казалось, что все готовы не только осудить его учение, но и вообще полностью искоренить ересь. Риму представилась прекрасная возможность утвердить себя. Все, что только можно было сказать в его защиту, было сделано и сказано. Но эта кажущаяся победа являлась предзнаменованием поражения. Двум могучим силам еще предстояло встретиться в открытой борьбе, но уже теперь обнаружилась очевидная разница между истиной и заблуждением. И никогда более с того дня Риму не суждено было чувствовать себя в такой безопасности, как прежде.

Хотя большинство членов сейма были готовы предать Лютера мести Рима, многие, видя и осуждая разложение церкви, желали положить конец всем злоупотреблениям порочного и корыстолюбивого духовенства, из-за которых страдал германский народ. Легат обрисовал папство в самом привлекательном и благоприятном свете. Тогда Господь побудил одного из членов сейма дать справедливую оценку результатов папской тирании. Среди княжеского собрания встал герцог Георг Саксонский и с благородной решительностью, с потрясающей точностью указал на лживость и мерзости папства, на все ужасающие последствия его господства. В заключение он сказал: "Это только часть тех злоупотреблений, которые вопиют против Рима. Священнослужители забыли всякий стыд, и их единственная цель... это деньги, деньги и деньги... они, кто должны бы наставлять народ в истине, учат его лжи, и их не только терпят, но и платят им за это, потому что, чем больше они лгут, тем больше зарабатывают. Именно из этого отвратительного источника и истекает отравленная вода. Разврат идет рука об руку с корыстолюбием. Увы! Это позорное поведение духовенства обрекает множество несчастных душ на вечную погибель. Необходима всеобщая реформа".

Сам Лютер, пожалуй, не мог бы более сильно и исчерпывающе описать папские злоупотребления, чем это сделал герцог, а тот факт, что он был явным врагом реформатора, придало его словам еще большую убедительность.

Если бы собравшиеся могли прозреть, они увидели бы вокруг себя ангелов Божьих, рассеивающих мрак заблуждения и открывающих умы и сердца для принятия истины. Премудрый и истинный Господь повлиял даже на врагов Реформации, таким образом приготавливая путь для свершения великой работы. Мартин Лютер не присутствовал в собрании, но там звучал голос Того, Кто был больше Лютера.

И сразу же сейм выбрал комитет, поручив ему составить перечень злоупотреблений со стороны папства, которые таким тяжелым бременем легли на плечи германского народа. Эта жалоба, содержащая в себе 101 пункт различных обвинений, была представлена императору с просьбой принять срочные меры для исправления сложившегося положения. "Какая огромная потеря христианских душ, — писали податели этого прошения, — какой грабеж, какое вымогательство со стороны приближенных к главе христиан! Наш долг — предотвратить гибель и бесчестие народа. Исходя из всего этого, мы самым покорнейшим и настойчивым образом умоляем Вас утвердить всеобщую реформу и начать ее проведение".

Теперь сейм потребовал присутствия реформатора. Невзирая на просьбы, протесты и

угрозы Алеандра, император в конце концов согласился, и Лютер был приглашен на сейм. Вместе с приглашением ему выслали и охранную грамоту — залог его благополучного возвращения. Все это доставил в Виттенберг курьер, которому было поручено также сопровождать Лютера до Вормса.

Друзья Лютера были напуганы. Зная предубежденное и ненавистное отношение к реформатору, они опасались, что даже охранная грамота не защитит его, и умоляли Лютера не подвергать себя опасности. На это он сказал: "Паписты не желают, чтобы я приехал в Вормс, они жаждут только моего осуждения и смерти. Все это не имеет значения. Молитесь не обо мне, а о Слове Божьем... Христос укрепит меня Своим Духом, чтобы одержать победу над этими служителями лжи. Я презираю их, пока я жив, а смерть моя станет моим торжеством над ними. Они будут озабочены в Вормсе тем, как бы заставить меня отречься, и вот мое отречение: раньше я говорил, что папа является наместником Христа, а теперь я утверждаю, что он является врагом нашего Господа и апостолом дьявола".

Лютер отправился в это опасное путешествие не один. Кроме императорского курьера, его вызвались сопровождать три преданных друга. Очень хотел поехать с ними Меланхтон. Он был настолько привязан к Лютеру, что готов был следовать за ним и в темницу, и на смерть. Но напрасны оказались все его просьбы: Меланхтона оставили в Виттенберге. В случае гибели Лютера ему предстояло продолжить дело Реформации. Прощаясь с Меланхтоном, реформатор сказал ему: "Если я не вернусь, если враги убьют меня, не прекращай проповедовать истину, будь тверд. Трудись вместо меня.... Если ты останешься жить, моя смерть не будет иметь большого значения". Студенты и жители города, пришедшие проводить Лютера, были глубоко взволнованы. Многие из тех, чье сердце уже затронула евангельская истина, прощались с ним рыдая. Так реформатор вместе со своими друзьями оставил Виттенберг.

По дороге путники замечали, что люди погружены в какое-то мрачное ожидание. В некоторых городах им не оказали надлежащего внимания. Священник, у которого остановились как-то на ночь, сочувственно выразил Лютеру свои опасения, показав ему портрет одного итальянского реформатора, погибшего мученической смертью. На следующий день им стало известно, что сочинения Лютера подверглись осуждению в Вормсе. Императорские гонцы повсюду распространяли этот декрет и призывали народ сдать все сочинения реформатора местным властям. Курьер, сопровождавший Лютера, тревожась за его безопасность на сейме и предполагая, что он, наверное, не решится ехать дальше, спросил, желает ли он продолжать путь. Лютер ответил: "Пусть хоть в каждом городе провозглашают о моем отлучении от церкви, я готов идти дальше".

В Эрфурте Лютера приняли с почестями. Окруженный восхищенной толпой, он медленно двигался по улицам города, где в свое время так часто ходил с нищенской сумой. Он заглянул в свою монашескую келью, где вспомнились ему все страдания, все внутренние борения, перенесенные им, благодаря чему его душу озарил свет, распространяющийся теперь по всей Германии. Здесь его настойчиво упрашивали произнести проповедь. Он не имел права этого делать, но курьер позволил нарушить запрещение, и монах, который когда-то выполнял самую черную работу в монастыре, взошел на кафедру.

Он приветствовал собравшихся словами Христа: "Мир вам!" Философы, богословы и писатели, — сказал он, — безуспешно учат людей, как достичь вечной жизни. Я скажу вам так: Бог воскресил Одного Мужа из мертвых. Господа нашего Иисуса Христа, чтобы Он уничтожил смерть, истребил грех и затворил врата ада. Это работа спасения... Христос победил! Отраднее слышать эту весть! И спасены мы Его заслугами, а не своими... Наш Господь Иисус Христос сказал: "Мир вам! Посмотрите на Мои руки..." Это значит: "О человек, посмотри! Это Я, Я — Тот, Кто снял твой грех и искупил тебя, и теперь ты будешь иметь мир", говорит Господь.

Дальше он говорил о том, как истинная вера должна проявиться в праведной жизни. "Так как Господь спас нас, то мы должны стремиться, чтобы наши дела были угодны Ему. Богат ли ты? Тогда пусть твое богатство поможет нуждающимся. Беден ли ты? Тогда пусть твои услуги будут приняты богатыми. Если же ты трудишься только ради одного себя, тогда твое служение, которое ты считаешь богоугодным, — не что иное, как ложь".

Народ, как очарованный, слушал Лютера: эти изголодавшиеся души получили Хлеб Жизни. В их глазах Христос был возвеличен, Он оказался превыше пап, легатов, императоров и королей. Лютер ничего не сказал о собственном тяжелом положении. Он не намеревался делать себя предметом сочувствия. Говоря о Христе, он забыл о себе. Он встал в тень Мужа Голгофы, желая, чтобы люди видели только Иисуса как Искупителя грешников.

Их странствие продолжалось, реформатора встречали везде с большим интересом. Толпы любопытного народа стекались к нему, и дружеские голоса предупреждали его о намерении сторонников Рима. "Они сожгут вас, — говорили некоторые, — и рассеют ваш пепел: вспомните, как поступили с Яном Гусом". Лютер отвечал: "Даже если бы они запалили огонь, который на всем протяжении от Виттенберга до Вормса вздымался бы до самого неба, то и тогда, во имя Господа, я прошел бы сквозь него; я должен

предстать перед врагом, я проникну в пасть этому чудовищу и выбью ему зубы, свидетельствуя об Иисусе Христе".

Известие о приближении Лютера к Вормсу вызвало большое волнение: друзья боялись за него, враги опасались успешного исхода дела. Самым энергичным образом его убеждали не входить в город. Папские наймиты уговаривали его укрыться в замке дружески настроенного к нему рыцаря, тогда все возникшие трудности были бы устранены. Друзья пробовали напугать грозившими ему опасностями. Но и те, и другие старались безуспешно: Лютер по-прежнему оставался непоколебимым, заявляя: "Даже если в Вормсе нечистых духов будет так много, как черепицы на крышах домов, то и тогда я войду в него".

По прибытии в Вормс Лютера приветствовала огромная толпа народа, сбегавшегося к городским воротам. Такая масса людей не собиралась даже для встречи и самого императора. Волнение было необыкновенным. Вдруг в гуще народа чей-то пронзительный голос жалобно затянул погребальную песнь, предостерегая Лютера об ожидавшей его участи. "Господь будет моей защитой," — сказал он, выходя из дорожного экипажа.

Паписты не верили, что Лютер действительно осмелится появиться в Вормсе, и его приезд наполнил их леденящим ужасом. Император немедленно созвал своих советников, чтобы наметить план дальнейших действий. Один из епископов, непреклонный папист, заявил: "Мы слишком долго обсуждаем этот вопрос, а ведь ваше императорское величество может одним мановением руки освободиться от этого человека. Разве Сигизмунд не предал Яна Гуса сожжению? Мы не обязаны уважать охранную грамоту, выданную еретику". "Нет, — сказал император, — мы должны сдержать данное нами обещание". И было решено выслушать реформатора.

Весь город стремился увидеть этого замечательного человека, и вскоре многочисленные посетители заполнили дом, где он разместился. Лютер незадолго до этого перенес тяжелую болезнь, вдобавок он был измучен двухнедельной дорогой; ему следовало подготовиться для встречи с членами сейма, и он, несомненно, нуждался в покое и отдыхе. Но желание людей видеть его было столь велико, что ему удалось отдохнуть только несколько часов, и вот уже дворяне, рыцари, священники и горожане окружили его, воодушевленные и возбужденные. Среди них были и те, кто, видя церковные злоупотребления, смело требовал у императора немедленной реформы, и кто, по словам Лютера, "был освобожден его Евангелием". Вместе с друзьями приходили и враги посмотреть на бесстрашного монаха, но он принимал их с

неизменным спокойствием, отвечая всем с достоинством и мудростью. Его поведение было твердым и мужественным. Бледное, худое лицо, со следами недавней болезни и усталости, излучало доброту и даже радость. Торжественность и неподдельная искренность его слов придавали ему силу, которой не могли противостоять даже его враги. Все поражались при виде его. Некоторые были убеждены, что Он наделен Божественной силой, другие, подобно фарисеям, обвинявшим Христа, заявляли: "В нем бес".

На следующий день Лютера пригласили на сейм. Государственный сановник сопровождал его в аудиенц-зал, но только с большим трудом он смог пробраться к зданию. Все улицы были запружены народом, стремившимся увидеть монаха, осмелившегося оказать сопротивление самому папе.

Перед тем, как он должен был появиться перед своими судьями, старый генерал, герой многих сражений, сказал ему ласково: "Бедный монах, бедный монах! Во многих сражениях мне приходилось участвовать, и я знаю, что ты идешь отразить одну из самых яростных атак. Но если правда на твоей стороне, и ты уверен в этом, иди вперед во имя Бога и ничего не бойся. Господь не оставит тебя".

Наконец Лютер предстал перед сеймом. Император взшел на трон, его окружили самые высокопоставленные лица империи. Никогда еще простой человек не появлялся в таком блестящем собрании, перед которым Лютер должен был держать ответ за свою веру. "Уже само его присутствие означало выдающуюся победу над папством. Папа объявил виновным этого человека, но теперь он стоял перед судом, который уже самим этим действием ставил себя выше папы. Папа отлучил Лютера от церкви и изгнал его из общества, и все же весьма уважительным образом он был приглашен на одно из самых высоких собраний в мире. Папа обрек его на вечное молчание, а ему дали возможность выступить перед тысячами внимательных слушателей, съехавшихся сюда из отдаленнейших уголков христианского мира. Лютер произвел величайшую революцию. Могущество Рима пошатнулось, и поколебал римский престол голос скромного монаха".

Огромное число высокородных особ, казалось, привело реформатора в замешательство. Некоторые князья, поняв его состояние, ободряли Лютера, один из них шепнул: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить". Другой сказал ему: "Когда поведут вас к правителям и царям за Меня, Дух Отца вашего в тот час даст вам, что сказать" (см. Мф. 10:18-20). Так в час испытания слуге Божьему напомнили слова Христа, укрепляя его веру.

Лютеру предложили встать перед самым троним императора. Все собравшиеся замерли в молчании. Поднялся императорский сановник и, указывая на сочинения Лютера, потребовал, чтобы реформатор ответил на два вопроса: признает ли он эти труды своими и намерен ли он отречься от изложенных в них взглядов. После того, как перечислили вслух названия книг, Лютер ответил, что их автором является он. "А что касается второго вопроса, — продолжал реформатор, — то он касается веры и спасения души, он затрагивает Слово Божье — одно из величайших и драгоценнейших сокровищ как на небе, так и на земле, и было бы неблагоразумно с моей стороны дать ответ, не обдумав его предварительно. Иначе я могу не высказать всего того, что требуют обстоятельства, или же, наоборот, наговорить больше, чем требует истина, и тогда слова, некогда произнесенные Христом: "А кто отречется от Меня пред людьми, от того отрекусь и Я пред Отцом Моим Небесным" (Мф. 10:33), будут иметь ко мне прямое отношение. Поэтому всепокорнейше прошу Ваше императорское величество предоставить мне время для размышления, чтобы я мог ответить, не нанося оскорбления Слову Божьему".

Лютер поступил мудро, обратившись к императору с такой просьбой. Его поведение убедило все собрание, что опрометчивости и необдуманности нет места в его действиях. Спокойствие и самообладание, которых никто не ожидал встретить в этом смелом и бескомпромиссном человеке, придали убедительность его словам, и в следующий раз он отвечал с благоразумием, решительностью, мудростью и достоинством, поразившими его противников, чье высокомерие и гордость были глубоко уязвлены.

На другой день предстояло решающее выступление на сейме. Видя, какие силы объединились против истины, Лютер испытал мгновенный, но острый приступ страха. Его вера пошатнулась, ужас охватил душу. Он ясно увидел все возрастающие опасности, казалось, что враги уже готовы торжествовать победу, что силы тьмы выиграли битву. Густые тучи все плотнее окутывали его, словно разделяя его с Богом. Он жаждал получить заверение, что Господь воинств будет с ним. В душевной муке он бросился лицом на землю, и из истерзанного сердца вырвались душераздирающие вопли, внятные только Господу.

"О, Всемогущий и Вечный Бог, — молился он, — как страшен этот мир! Он открыл свою пасть, чтобы поглотить меня, а я так мало уповаю на Тебя... Если мне останется надеяться только на могущество этого мира, то все пропало... Тогда мой последний час настал, и приговор подписан... О Боже! Помоги мне преодолеть всю мудрость мира сего. Сделай это, только Ты Один можешь, ибо это не мое дело, но Твое. Я ничего не

имею против них, этих великих мира сего... Но это дело Твое, и это справедливое и вечное дело. О, Господи, помоги мне! Верный и неизменный Бог, ни на одного человека не могу я надеяться... Все человеческое ничтожно и непрочно... Ты избрал меня для этого дела... Пребудь со мной во имя Твоего возлюбленного Сына Иисуса Христа, Который есть моя защита, мой щит и моя крепость".

Премудрое провидение Божье допустило, чтобы Лютер осознал грозящую ему опасность и не полагался на свои силы, не впал в самонадеянность. Но ужас, неожиданно поразивший его, был вызван не страхом перед страданием, муками и смертью, столь близкими в тот момент. Нет. В его судьбе наступил переломный час, а он чувствовал себя совершенно бессильным. Лютер опасался, что из-за его бессилия дело истины потерпит поражение. Он "боролся" с Богом не ради своей личной безопасности, но ради торжества Евангелия. В его измученной душе происходила борьба, подобная той, какую перенес Израиль ночью на берегу одинокого ручья. И, подобно Израилю, он вышел победителем. В полной беспомощности он с верой воззвал ко Христу, могущественному Избавителю. И пришла уверенность, что он будет не одинок на сейме. Мир водворился в его душе, и он радовался тому, что ему разрешено возвысить Слово Божье в глазах титулованных особ.

Твердо уповая на Бога, Лютер приготовился к предстоящей борьбе. Он продумал свою речь, сделал выписки из собственных сочинений и подобрал соответствующие доказательства из Священного Писания для подтверждения своих слов. Затем, положив левую руку на открытую перед ним Священную Книгу, он поднял правую руку к небу и дал обет "оставаться верным Евангелию и откровенно исповедовать веру, даже если он будет призван кровью запечатлеть свое свидетельство".

Когда он вновь явился на сейм, в его лице не было ни тени страха или же смущения. Невозмутимый и спокойный, с неустрашимым благородством и мужеством он стоял там — свидетель Божий перед великими мира. Императорский сановник потребовал от него решительного ответа, намерен ли он отречься от своего учения. Лютер отвечал покорно и кротко, в его голосе не было и намека на возбуждение или горячность. Он держался почтительно и даже застенчиво, но вместе с тем его уверенность и радостное выражение лица поразили все собрание.

"Всесветлейший император, светлейшие князья, милостивые государи, — начал он, — я предстал сегодня перед вами, согласно вчерашнему повелению, и милостью Божьей умоляю Ваше величество и высочество милостиво выслушать суть дела, которое, как я уверен, есть справедливое и истинное. Если я в чем-либо и нарушу этикет и обычаи

двора, прошу Вас о прощении, ибо воспитывался я не в царских палатах, но в уединении монастыря".

Затем он отметил, что все его опубликованные сочинения различаются по своему характеру. В некоторых, даже врагами его признанных не только безвредными, но и полезными, он писал о вере и добродетелях. Отречься от них — означало бы осудить истины, признаваемые решительно всеми. В других книгах разоблачались пороки и злоупотребления папства. Признать негодными эти труды — означало бы поддержать тиранию Рима и широко открыть дверь многочисленным и страшным беззакониям. И, наконец, часть своих книг он посвятил критике отдельных лиц, которые защищали царящее в обществе зло. Относительно этих последних он открыто признался, что часто увлекался больше, чем следовало бы. Не считая себя свободным от ошибок и промахов, Лютер тем не менее подчеркнул, что даже и от этих книг он не может отречься, чтобы не осмелели вконец враги истины и не воспользовались этим для еще большего угнетения народа Божьего.

"Я всего лишь простой смертный, а не Бог, — продолжал он, — поэтому буду защищать себя так, как это сделал Христос: "Если Я сказал худо, покажи, что худо"... Милосердием Божьим я умоляю Ваше императорское величество и Вас, светлейшие князья, и всех высокопоставленных лиц доказать мне на основании Писания мои ошибки. И как только я буду убежден в этом, я признаюсь в своих заблуждениях и первый брошу свои книги в огонь".

"Мои слова ясно показывают, что я все взвесил, что мне отчетливо видны те опасности, каким я подвергаю себя. Но в моей душе нет страха, наоборот, я радуюсь тому, что Евангелие в наши дни, как и прежде, вызывает столкновение мнений и становится предметом борьбы. Ибо Слово Божье никого не оставляет равнодушным. "Я пришел принести на землю не мир, но меч", — сказал Иисус Христос. Господь величествен и грозен и в Своих предостережениях, и в Своих судах — так будьте осторожны, чтобы, стремясь положить конец разногласиям, не превратились бы вы в гонителей святого Слова Божьего, тем самым обрушив на себя страшный поток непреодолимых несчастий и бедствий, и вечной гибели... Я могу привести много примеров из Слова Божьего. Я могу рассказать о фараоне, вавилонских и израильских царях, которые успешно способствовали собственной гибели, когда, стремясь укрепить свое господство, выполняли советы, казавшиеся исключительно мудрыми и разумными. "Он передвигает горы, и не узнают их".

Лютер говорил по-немецки, потом его попросили повторить сказанное, но уже на

латыни. Утомленный, он все же согласился и вновь произнес свою речь с прежней ясностью и энергией. Всем происходящим несомненно руководило провидение Божье. Многие князья были настолько ослеплены собственными предрассудками, что при первом слушании Лютера они не уразумели логики его доказательств, которая стала вполне ясной для них лишь тогда, когда он повторил все сказанное.

Те, кто упорно отгораживались от света и решительно отказывались понять истину, были сильно разгневаны убедительностью слов Лютера. Когда он закончил выступление, председатель сейма с досадой сказал ему: "Ты не ответил на заданный тебе вопрос... Ты должен дать определенный и прямой ответ... Отрекаешься ты или нет?"

Реформатор ответил: "Так как ваше императорское величество и ваши княжеские высочества требуют от меня определенного, простого и прямого ответа, я дам его без всяких околичностей. Если я не буду убежден свидетельствами Писания и ясными доводами разума — ибо я не верю ни папе, ни соборам, поскольку очевидно, что зачастую они ошибались и противоречили сами себе, — то, говоря словами Писания, я восхищен в моей совести и уловлен в Слово Божье... Поэтому я не могу и не хочу ни от чего отречься, ибо неправомерно и несправедливо делать что-либо против совести. На том стою и не могу иначе. Помоги мне Бог! Аминь".

Так сражался этот праведный муж, опираясь на истинность Слова Божьего. Небесный свет озарил его лицо. Когда он обличал заблуждения и свидетельствовал о превосходстве веры, побеждающей мир, его величие и чистота, его радостная умиротворенность были очевидны всем.

Собравшиеся на некоторое время онемели от изумления. Поначалу Лютер говорил столь почтительно, что это было расценено как покорность. Паписты сочли, что его мужество поколеблено. Просьба Лютера дать ему время для размышления была истолкована ими как предвестие отречения. Сам Карл, презрительно отметивший его истощенный вид, простое платье и безыскусную речь, сказал: "Этот монах никогда не сделает меня еретиком". Но затем твердость Лютера, его смелое поведение, сила и ясность его доказательств привели в изумление всех. Восхищенный император воскликнул: "Как бесстрашно говорит этот монах и с каким непоколебимым мужеством!" Многие германские князья с гордостью смотрели на своего соотечественника, радуясь его успеху.

Приверженцы Рима потерпели поражение; их действия предстали в очень неприглядном свете. Свою власть они старались поддержать не ссылаясь на Священное Писание, но угрозами — этими неизменными аргументами Рима. Председатель сейма, обращаясь к Лютеру, сказал: "Если ты не отречешься, то император и государственные сановники поступят с тобой, как с неисправимым еретиком".

Друзей Лютера, с воодушевлением слушавших его мужественное выступление, бросило в дрожь при этих словах, но реформатор спокойно ответил: "Я не могу отречься, да поможет мне Господь!".

Пока князья совещались между собой, Лютеру было приказано оставить сейм. Чувствовалось, что наступил решающий момент. Непокколебимый отказ Лютера подчиниться собору мог оказать свое действие на всю историю церкви. Поэтому сочли необходимым дать ему еще одну возможность отречься. В последний раз его привели на сейм. Снова прозвучал вопрос, отречется ли он от своего учения? "Я уже ответил вам, — произнес он, — ничего другого вы от меня не услышите". Было ясно, что ни обещания, ни угрозы не заставят его уступить требованиям Рима.

Папские вожди были крайне уязвлены тем, что к их могуществу, перед которым трепетали и монархи, и вельможи, простой монах отнесся с таким презрением. Гнев, кипевший в них, могла утолить только его мученическая смерть. Но Лютер, вполне сознавая грозившую ему опасность, держался с подлинно христианским достоинством и спокойствием. Его нельзя было упрекнуть ни в гордости, ни в вспыльчивости, ни во лжи. Он совершенно забыл о себе, об окружающей его знати и ощущал лишь присутствие Того, Кто был несравненно выше пап, прелатов, королей и императоров. Устами Лютера говорил Сам Христос и говорил с такой силой и величием, что и друзья, и враги Реформации были исполнены благоговения и изумления. Дух Божий, незримо присутствовавший среди собравшихся, тронул сердца великих империи. Некоторые из князей смело признали справедливость утверждений Лютера. Многие убедились в истине, иные же, увлекшись поначалу, вскоре вернулись к прежним взглядам. Были и люди, убеждения которых еще не сложились в то время, но впоследствии они, изучая Писание, стали бесстрашными приверженцами Реформации.

Курфюрст Фридрих, с огромной тревогой ожидавший появления Лютера на сейме, слушал его речь с величайшим волнением. Он с радостью и гордостью отметил мужество своего подданного, его непреклонность и самообладание и укрепился в решимости защищать его. Сравнивая противоборствующие стороны, курфюрст видел,

что мудрость пап, прелатов и королей превращается в прах перед могуществом истины. Папство потерпело поражение, которое будет ощущаться всеми народами на протяжении всех последующих веков.

Когда легат увидел, какое впечатление произвело выступление Лютера, он впервые начал опасаться за прочность папской власти и решил во что бы то ни стало добиться поражения реформатора. Пустив в ход все свое красноречие, все свое дипломатическое искусство, чем он, между прочим, весьма славился, легат рисовал юному императору безумные опасности, которыми грозит потеря дружбы и покровительства могущественного престола Рима из-за какого-то ничтожного монаха.

Его слова не остались без последствий. На следующий день после выступления Лютера Карл огласил на сейме решение и впредь продолжать политику своих предшественников, поддерживая и защищая католическую церковь. И поскольку Лютер не отказался от своих заблуждений, то против него и его последователей будут предприняты самые строгие меры. "Одинокий монах, одурманенный собственным безумием, посмел восстать против христианской веры. Я пожертвую своими владениями, казней, друзьями, собой, всей своей жизнью, но положу конец этому нечестию. Пусть этот августинский монах отправляется восвояси и не смеет смущать народ. А я начну против него и упорных его сторонников самую решительную борьбу. Отлучу их от церкви, изгоню из общества, буду бороться с ними любыми средствами, пока не уничтожу их. Я призываю всех членов сейма проявить себя настоящими, преданными христианами". Тем не менее император подчеркнул, что охранная грамота, выданная Лютеру, неприкосновенна, и прежде чем будут предприняты какие-либо меры против него, он должен в полной безопасности возвратиться к себе домой.

Сейм разделился на два противоположных лагеря. Папские посланники требовали лишить Лютера охранной грамоты. Рейн, — говорили они, — должен принять его пепел, как то было с пеплом Яна Гуса сто лет назад. Но князья Германии, которые хотя и сами были приверженцами папства и открытыми врагами Лютера, протестовали против такого грубого нарушения общественного доверия, позорящего честь всего народа. Они указали на бедствия, последовавшие после смерти Гуса, и заявили, что не позволят вновь навлечь на Германию и на голову их юного императора подобных ужасов.

Сам Карл отверг это низкое предложение, говоря: "Если честь и вера будут изгнаны из всего мира, то они должны найти убежище в сердцах князей". Яростные враги Лютера продолжали уговаривать императора поступить с реформатором так, как это сделал Сигизмунд с Гусом, то есть предать его милости церкви; но, вспоминая, как на открытом

собрании Гус, указывая на свои цепи, напомнил монарху о его клятвенном слове. Карл V заявил: "Я не хочу позориться, подобно Сигизмунду".

И все же Карл вполне сознательно отверг истины, на которые указывал Лютер. "Я твердо намерен идти по стопам моих предков", — писал он. Карл решил не отступать от старых преданий даже ради истины и правды. Раз его отцы поступали так, то и он тоже был готов поддерживать папство со всей его жестокостью и порочностью. Таким образом, он занял твердую позицию, отказываясь принять свет, отвергнутый его отцами, отказываясь исполнить то, что и они не захотели сделать.

И в наши дни есть немало людей, которые цепко придерживаются отеческих обычаев и преданий. Когда Господь посылает новый свет, они отказываются принять его потому лишь, что так же поступали их отцы. Но мы находимся в другом положении, чем наши предки, и, следовательно, у нас иные обязанности и совершенно иной долг. Бог не одобрит нас, если мы, вместо того чтобы самостоятельно постигать Слово истины и определять им свой долг и ответственность, будем оглядываться на наших отцов. Наша ответственность больше ответственности наших предков: ведь наши души освещает и свет, полученный когда-то ими, и свет, просиявший нам со страниц Слова Божьего.

Христос так сказал о неверующих иудеях: "Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем" (Ин. 15:22). Эта же самая Божественная сила устами Лютера говорила с германским сеймом. И когда свет истины Слова Божьего озарил собравшихся. Дух Божий в последний раз умолял многих из них обратиться. Подобно Пилату, несколько веков назад допустившему, чтобы гордость и жажда славы закрыли его сердце перед Икупителем мира, подобно напуганному Феликсу, встретившему вестника истины словами: "Теперь пойдешь, а когда найду время, позову тебя", подобно надменному Агриппе, признавшему: "Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином" (Деян. 24:25; 26:28) и все же не принявшему света, посланного ему Небом, поступил и Карл V, отвергая свет истины ради земных почестей.

Слухи об опасности, угрожавшей Лютеру, вызвали в городе всеобщее волнение. У реформатора было много друзей, которые, зная вероломство и жестокость Рима ко всем, кто осмеливается разоблачать его пороки, решили спасти его. Сотни знатных мужей поклялись защищать Лютера. Многие открыто называли императорское послание раболепством перед Римом. На воротах домов, на общественных зданиях появились плакаты: одни защищали Лютера, другие осуждали. Кое-где можно было прочитать простые, но многозначительные слова премудрого Соломона: "Горе тебе, земля, когда царь твой отрок" (Еккл. 10:16). Всеобщий взрыв сочувствия Лютеру,

охвативший всю Германию, убедил и императора, и сейм, что малейшая несправедливость к реформатору поставит под угрозу не только мир в империи, но и прочность трона.

Фридрих Саксонский вел себя очень осторожно, тщательно скрывая свое истинное отношение к реформатору и в то же время охраняя его с неусыпной бдительностью, наблюдая и за ним, и за всеми его врагами. Но нашлось немало людей, которые и не пытались скрыть своего благорасположения к Лютеру. Его посещали князья, графы, бароны, светские и церковные деятели. Небольшая комната доктора, — писал Спалатин, — не могла вместить всех приходящих к нему. Народ смотрел на него как на сверхчеловека. Даже те, кто не верили его учению, не могли не восхищаться его благочестием и благородством, побуждающим реформатора скорее принять смерть, чем поступить вопреки своей совести.

Лютера настойчиво пытались заставить пойти на компромисс с Римом. Вельможи внушали ему, что, продолжая упорствовать и выступать против церкви и сейма, он добьется лишь изгнания из страны и окажется без защиты. На это Лютер ответил: "Евангелие Христа не может быть проповедано без борьбы... Почему страх и опасения должны разлучить меня с Господом и Его Божественным Словом, которое единственное является истиной? Нет, я лучше отдам мою жизнь!".

И снова старались добиться его покорности императору, уверяя, что тогда, конечно, ему уже ничто не будет угрожать. Я согласен, — ответил Лютер, — от всего сердца, чтобы каждый — от императора до самого скромного христианина — читал и критиковал мои труды, но только при условии: делать это во свете Слова Божьего. Людям не остается ничего другого, как только повиноваться Священному Писанию. Я сам всецело предан ему и бесполезно принуждать мою совесть.

Немного позже при подобном разговоре он заявил: "Я отказываюсь от охранной грамоты и отдаю свою жизнь в руки императора, но от Слова Божьего не отрекись никогда!" Лютер выразил готовность подчиниться решению сейма, но при условии, что оно будет соответствовать Священному Писанию. Что касается Слова Божьего и веры, — сказал он, — то каждый христианин может судить об этих вещах наравне с папой со всеми его бесчисленными соборами. И вскоре все — и друзья, и враги — пришли к убеждению, что дальнейшие попытки примирить Лютера с Римом бесполезны.

Если бы Лютер уступил хотя бы в одном пункте, тогда бы сатана и все его воинство торжествовали победу. Но непоколебимая твердость монарха явилась залогом освобождения церкви и положила начало новой, лучшей эры. Влияние этого человека, который осмелился мыслить и действовать самостоятельно в такой сфере, как религия, не могло не воздействовать и на церковь, и на мир, причем это воздействие не ограничивалось его временем, но распространялось на все грядущие поколения. До конца истории твердость и верность Лютера будут поддерживать всех, кто окажется в подобной ситуации. Сила и величие Божье выше решений, которые принимают люди, выше могущества сатаны.

Вскоре императорским указом Лютеру повелели отправиться домой, и он знал, что вслед за этим последует и его осуждение. Грозные тучи нависли над ним, но он оставлял Вормс с ликующим сердцем. Сам дьявол, — говорил он, — охранял папскую крепость, но Христос пробил брешь в стене, и сатана вынужден был признать, что Господь сильнее его.

После своего отъезда Лютер, не хотевший, чтобы его твердость была превратно истолкована, писал императору: "Пусть Бог, Который видит сердца всех, будет и моим Свидетелем, подтверждая, что я готов со всей покорностью, в чести и бесчестии, в жизни или смерти повиноваться Вашему величеству, но ни в коем случае не могу идти против Слова Божьего, которым и живет человек. Во всем, что касается мирской жизни, моя верность Вам будет неизменна, так как спасение не зависит от того, проигрываем мы или выигрываем. Но там, где дело касается вопросов вечности, Бог не желает, чтобы один человек подчинялся другому. Ибо такое подчинение в духовных вопросах является настоящим поклонением, а поклоняться должно только лишь Творцу".

На обратном пути из Вормса Лютера встречали еще радушнее и теплее. Высокое духовенство приветствовало отлученного от церкви монаха, и гражданские власти с почетом встречали человека, осужденного императором. Его просили произнести проповедь, и, пренебрегая запрещением императора, он взшел на кафедру. Я никогда не давал себе обета держать под спудом Слово Божье, — сказал он, — и не буду делать этого.

Как только Лютер покинул Вормс, паписты заставили императора издать указ против него. В этом декрете Лютер был назван "сатаной в образе человека, одетого в монашеское платье". Предписывалось сразу по истечению срока охранной грамоты предпринять самые решительные меры, чтобы прекратить его деятельность. Никто не

имел права оказывать ему гостеприимство, делиться с ним пищей или водой; никто не имел права выражать ему поддержку и сочувствие ни словом, ни делом. Где бы он ни находился, всюду его могли арестовать и предать в руки властей. Его приверженцы также подлежали аресту, а их имущество — конфискации. Его сочинений следовало уничтожать, и каждому, кто осмелится нарушить этот декрет, грозили подобные кары. Курфюрст Саксонский и князя, благосклонно относившиеся к Лютеру, вскоре после отъезда реформатора оставили Вормс, и сейм тотчас утвердил императорский указ. Приверженцы Рима торжествовали. Теперь, как они полагали, судьба Реформации была решена.

Но Господь предусмотрел избавление Своего раба от опасности. Бдительное око следило за каждым движением Лютера, и в благородном сердце зрела решимость спасти его. Становилось очевидным, что Рим удовлетворится только смертью реформатора, спастись от гибели можно было, лишь укрывшись в тайном убежище. Бог дал мудрость Фридриху Саксонскому придумать план спасения Лютера. При помощи верных людей замысел курфюрста был приведен в исполнение, и реформатора укрыли и от друзей, и от врагов. Возвращавшегося домой Лютера неожиданно схватили, разлучили с его спутниками и поспешно отвезли лесной дорогой в Вартбургский замок — уединенную горную крепость. Похищение Лютера было окружено такой непроницаемой тайной, что даже сам Фридрих долгое время ничего не знал о его местопребывании. Курфюрста намеренно не посвящали в подробности свершившегося: тому, кто ничего не знает, легко хранить тайну. Фридрих довольствовался известием о том, что реформатор в безопасности.

Сменяя друг друга, прошли весна, лето, осень, наступила зима, а Лютер по-прежнему оставался пленником. Алеандр и его приверженцы ликовали, думая, что свет Евангелия скоро совсем погаснет. Но, вопреки их ожиданиям, реформатор наполнял свой светильник из сокровищницы истины, и свет его должен был засиять еще ярче.

В безопасности Вартбургской крепости Лютер некоторое время отдыхал после волнений и ожесточенной борьбы. Но долго наслаждаться покоем и тишиной он не мог. Привыкший к активной жизни и упорной борьбе, он с трудом переносил вынужденное бездействие. Находясь в одиночестве, он не переставал думать о положении церкви и в отчаянии восклицал: "О, в эти последние дни Его гнева нет ни одного человека, который бы, как стена, стоял пред Господом, чтобы спасти Израиля!" Порой Лютеру начинало казаться, что его, оставившего поле битвы, могут заподозрить в трусости. Он упрекал себя в праздности и успокоенности и в то же самое время ежедневно совершал больше, чем вообще в состоянии сделать человек. Его перо никогда не отдыхало. Враги Лютера, льстившие себя надеждой, что заставили его умолкнуть, вскоре были встревожены и неприятно удивлены очевидными доказательствами его

продолжающейся деятельности. Целый поток трактатов, вышедших из-под его пера, распространялся по всей Германии. Неоценима заслуга Лютера перед соотечественниками — ведь это он перевел на немецкий язык Новый Завет. Со своего скалистого Патмоса он в течение целого года продолжал проповедовать Евангелие, порицая грехи и заблуждения современников.

Бог удалил Своего раба со сцены общественной жизни не только для того, чтобы спасти ему жизнь, дать возможность заняться другими важными трудами. Нет, Господь преследовал более далекие и возвышенные цели. В уединении и тишине своего горного убежища Лютер был огражден от проявлений мирской признательности и лести. Он был избавлен от гордости и самоуверенности, к которым так часто приводит успех. Страдания и смирение вновь приготовили его к безопасному странствию по тем головокружительным вершинам, куда он был так внезапно вознесен.

Когда люди радуются свободе, которую дарует истина, они склонны прославлять тех, чьими руками Господь разорвал цепи заблуждения и суеверия. Сатана старается отвратить мысли и чувства людей от Бога, сосредоточив их на тех, кому доверено было совершить освобождение человека. Он побуждает прославлять только орудие и пренебрегать Рукой, управляющей всеми событиями. Нередко религиозные вожди, пресытившись хвалой и преклонением, перестают ощущать свою зависимость от Бога и становятся самоуверенными. И тогда они пытаются заставить людей доверять больше им, а не Слову Божьему. Реформа в церкви часто приостанавливалась, так как приверженцы ее лелеяли в себе подобный дух. Господь желал уберечь дело Реформации от подобной опасности. Он желал, чтобы эта работа была отмечена печатью не человека, а Бога. Люди стали видеть в Лютере толкователя истины, и тогда он был отодвинут в тень, чтобы взоры всех обратились к вечному Автору истины.